

Е. Груздева, Ю. Янхунен.

Хельсинкский университет, Хельсинки

К ПРОБЛЕМЕ ФИНИТНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКОВ ТРАНСЪЕВРАЗИЙСКОЙ ЗОНЫ

Языки трансевразийской зоны традиционно подразделяются на две большие группы: урало-алтайские и палеоазиатские (палеосибирские) языки. Урало-алтайские языки включают шесть языковых семей, а именно: уральскую, тюркскую, монгольскую, тунгусо-маньчжурскую, корейскую и японскую, которые имеют разные генетические корни, но единую типологическую ориентацию. В свою очередь, палеоазиатские языки представляют собой как генетически, так и типологически довольно гетерогенную группу, объединяющую несколько неродственных между собой языков и языковых семей Сибири и Дальнего Востока. Из палеоазиатских языков особенно тесные ареальные связи с урало-алтайскими языками имеет нивхский язык, в то время как, например, кетский язык типологически сильно отличается от других языков центральной и северной Евразии, а юкагирский и чукотско-камчатские языки существенно отдалены от них географически.

Несмотря на генетическое и типологическое разнообразие, языки трансевразийской зоны обладают некоторыми сходными структурными особенностями в разных областях грамматики, в том числе в сфере морфосинтаксиса. Одной из общих черт является наличие двух классов глагольных форм, которые традиционно называются финитными и нефинитными (инфинитными) формами. Возможно даже, что оппозиция по признаку финитности / нефинитности имеет универсальную основу в человеческом языке. Впрочем, как показывают описания различных языков, среди исследователей нет единого мнения о том, какие признаки лежат в основе противопоставления финитности / нефинитности, какие

именно глагольные формы относятся к тому или иному из перечисленных выше классов, каким образом маркируются и функционируют финитные и нефинитные формы. В настоящей статье рассматриваются различные подходы к анализу категории финитности, дается определение этой категории и предлагается обобщающая классификация глагольных форм на основе материала из различных языков трансевразийской зоны, в особенности урало-алтайских, а также нивхского (палеоазиатского) языка.

1. Определение финитности и параметры классификации

В соответствии с наиболее традиционной точкой зрения, финитность глагольной формы определяется на основе ее морфологических характеристик (см., например, [Nikolaeva 2007]). Так, финитными обычно считаются формы, которые характеризуются такими морфологическими категориями, как число, лицо, время, наклонение и т. д., в то время как к нефинитным относят глагольные формы, которые такими категориями не обладают. Нефинитные формы, в свою очередь, могут иметь морфологическое маркирование, в том числе именное (причастия и инфинитивы) и адвербиальное (деепричастия), которое финитным формам несвойственно.

В дополнение к морфологическим признакам при определении финитности глагольной формы используются также синтаксические или функциональные критерии. Эти критерии оказываются, естественно, особенно значимыми при описании глагольных форм, не включающих какие-либо морфологические показатели. Предполагается, что только финитные формы — независимо от своей морфологической структуры — могут образовывать независимое высказывание, что в каждом независимом высказывании может быть только одна финитная форма и что нефинитные формы используются в основном или исключительно в зависимых контекстах [Koptjevskaja-Tamm 1994: 1245; Bisang 1998; Nedjalkov 1998: 421]. Сходные определения используются для различения независимых и зависимых глагольных

К проблеме финитности на примере языков трансъевразийской зоны форм в [Hengeveld 1998: 339].

Морфологические и синтаксические критерии часто коррелируют друг с другом, но могут и вступать в противоречие [Nikolaeva 2007: 2–3]. С одной стороны, те формы, которые традиционно считаются синтаксически нефинитными (инфинитивы, причастия и деепричастия), по своим морфологическим характеристикам нередко оказываются в равной степени или даже более финитными, чем те формы, которые обычно относят к синтаксически финитным. С другой стороны, некоторые из форм, которые обычно относят к морфологически финитным, могут выступать, хотя и относительно редко, в функции зависимого предиката, то есть быть синтаксически нефинитными, а морфологически нефинитные формы, напротив, могут выступать в функции независимого предиката, то есть быть синтаксически финитными.

Таким образом, становится понятным, что как чисто морфологический, так и чисто синтаксический подход к понятию финитности плохо приложим к анализу глагольных форм в языках трансъевразийской зоны, так же, как, вероятно, и во многих других языках мира. В настоящей работе мы предлагаем более комплексный и более компромиссный подход к описанию исследуемой категории. Данный подход опирается на представление о том, что финитность следует рассматривать не как бинарную формальную категорию, а как скалярное функциональное явление, предполагающее различные степени финитности на определенной иерархической шкале, ср., напр. [Givón 1990: 853–854; Hengeveld 1998; Gruzdeva 2012]. При определении «полюсов» данной шкалы мы опираемся прежде всего на функциональные характеристики глагольных форм.

Так, на одном из полюсов шкалы располагаются финитные формы, которые могут выступать *только* в функции независимого предиката, т. е. единственного предиката или предиката главного предложения. На другом полюсе находятся нефинитные формы, которые *никогда* не могут употребляться в функции независимого предиката. Между этими противоположностями располагается целый ряд глагольных форм, для которых в разной

степени характерны обе из указанных функций. Следует отметить, что данные «полюса» представляют собой скорее теоретические конструкты, нежели языковую реальность, поскольку большинство из глагольных форм (по крайней мере в языках трансевразийской зоны) полифункциональны.

Степень близости или отдаленности той или иной глагольной формы от финитного или нефинитного «полюсов» определяется ее прототипическими, то есть наиболее характерными и частотными, и непрототипическими, то есть наименее характерными и частотными, синтаксическими функциями (ср. определение прототипа и прототипичности в работах [Givón 1986: 78–79; Croft 1990: 125]. В средней части шкалы располагаются так называемые амбивалентные формы, для которых оказывается невозможным определить какую-либо одну прототипическую функцию.

На первом уровне классификации, предлагаемой в настоящей статье, глагольные формы подразделяются на три группы на основе тех базовых синтаксических функций, которые они выполняют в предложении: (1) прототипически финитные формы, (2) прототипически нефинитные формы и (3) амбивалентные формы. Далее, на основе формальных и функциональных критериев внутри каждой группы различаются две или три подгруппы. Как показывает языковой материал, прототипическая финитность и нефинитность всегда характеризуются соответствующим морфологическим маркированием глагольной формы, в то время как амбивалентность чаще всего является свойством «чистого» глагола, немаркированного по отношению к финитности / нефинитности.

2. Прототипически финитные глагольные формы

Прототипически финитные глагольные формы, которые обычно используются в функции независимого предиката, подразделяются на три подгруппы в зависимости от того, содержат ли они специализированные показатели (1.1) финитности, (1.2)

К проблеме финитности на примере языков трансевразийской зоны класса глагола или (1.3) категорий глагола, характерных исключительно для финитных форм (= финитных категорий).

2.1. *Формы со специализированным показателем финитности*

Наличие специализированных показателей финитности, как кажется, относится к достаточно редким явлениям в языках мира. В трансевразийской зоне такие показатели зафиксированы для самодийских языков, в которых они восходят к протосамодийскому уровню реконструкции. Основные финитные формы глагола (обычно называемые формами аориста) в протосамодийском языке образовались следующим образом: между глагольной основой и личным окончанием (которое в третьем лице единственного числа могло быть и нулевым) была добавлена так называемая финитная морфема, единственной функцией которой было показать, что данная форма имеет функцию независимого предиката. В отличие от других глагольных форм, выступающих в этой же функции, формы с финитной морфемой являются немаркированными или не полностью маркированными в плане модально-временных отношений. Следует подчеркнуть, что в силу различных причин по установленной в самодологии традиции финитная морфема рассматривается именно как форматив вторичной (финитной) основы глагола, а не как показатель конкретной грамматической формы (например, аориста).

Описанная выше протосамодийская система форм хорошо сохранилась, например, в современном ненецком языке, в котором в качестве финитной морфемы (FIN) употребляются элементы *-ə- ~ -°-* (шва) для вокалических основ и *-nga-* для консонантных основ, например, *xada-* ‘убить’: -FIN-OBJ.SG.SUBJ.3SG *xada-°-da* ‘он/а (его) убил/а’, *paəɛr-* ‘делать’: -FIN-OBJ.SG.SUBJ.3SG *paəɛr-nga-da* ‘он/а (это) сделал/а’ [Salminen 1997: 99–101]. Важно отметить, что финитная морфема не появляется после именных основ, которые также могут употребляться в позиции независимого предиката в сочетании с личными окончаниями, например, *lúca* ‘русский’: -1SG *lúca-d°m* ‘я русский’, *xangeq* ‘умный’: -1SG

xange-t^om ‘я умный’ [Salminen 1997: 93, 130]. Это правило относится и к именным формам глагола (причастиям) в роли независимого предиката.

Необходимо добавить, что происхождение самодийской финитной морфемы неизвестно. Также неясно, можно ли ненецкие элементы *-ə- ~ -^o-* и *-nga-* исторически считать алломорфами одного и того же маркера или речь идет о двух отдельных элементах. В других уральских языках финитные морфемы не встречаются, и даже внутри самодийской группы в их форме есть некоторые вариации. Не исключено, что они первоначально являлись маркерами причастий, но возможны и другие объяснения. Так или иначе их первоначальные функции были, как кажется, утрачены в грамматике еще в допротосамодийское время.

Важно также отметить, что формы с финитной морфемой в определенных условиях могут употребляться и в функции зависимого предиката. Это касается форм с элементом *-ə- ~ -^o-*, образованных от двусложных или более длинных основ на гласный, которые могут употребляться как в функции независимого, так и зависимого предикатов. В последнем случае они функционируют в качестве краткой формы модального деепричастия, например, *yilye-* ‘жить’: *-FIN.3SG yilye-^o* ‘он/а живет’ = *-CONV.MOD yilye-^o* ‘проживая’ [Salminen 1997: 114]. Очевидно, что говорить о «финитности» финитной морфемы здесь уже невозможно. Кроме того, употребление глагольных форм с финитной морфемой в функции зависимого предиката имеет свои исключения, которые осложняют морфосинтаксический анализ. Например, формы с элементом *-nga-*, который добавляется к консонантным основам, вообще не могут употребляться в функции зависимого предиката (о других исключениях см. [Salminen 1997: 102–103]).

2.2. *Формы со специализированным показателем класса глагола*

Во многих языках мира морфологически изменяемые слова делятся на классы, которые отличаются друг от друга наличием того или иного специализированного показателя. Этот показатель

К проблеме финитности на примере языков трансевразийской зоны

можно рассматривать как отдельную морфему, которая является семантически пустой, т. е. не имеет конкретного значения. На основе показателей класса выделяются типы склонения имен и спряжения глаголов во многих индоевропейских языках, например в латинском и русском. В действительности показатели классов в этих языках отражают разные типы основ, которые первоначально отличались друг от друга наличием разных конечных звуков (гласных и согласных). Впоследствии с классами стали ассоциироваться и другие грамматические различия, например, грамматический род у имен, разные серии аффиксов у имен и у глаголов и т. п.

Показатели класса могут в принципе появляться во всех или во всяком случае во многих формах глагольной парадигмы, причем как в финитных, так и нефинитных формах. Нередко, однако, их присутствие ограничено именно финитными формами. В таком случае в синхронном плане они становятся очень похожими на специализированные показатели финитности. Такая ситуация характерна, например, для марийского языка, где глаголы делятся на два класса. Разница между классами заключается в том, что в формах настоящего времени глаголов, относящихся к различным классам, перед личным окончанием появляются разные гласные, у одного класса -*a-*, а у другого -*e-*, например, *nal(V)*- 'взять': -PRS.1SG *nal-a-m* 'я беру', *kodV*- 'оставить': -PRS.1SG *kod-e-m* 'я оставляю'. Эти гласные не являются частью основы и они не присутствуют в других формах глагольной парадигмы. Разница между классами нейтрализуется в самой частотной нефинитной форме (инфинитиве): *nal-ash*, *kod-ash* [Kangasmaa-Minn 1998: 229–233].

При синхронном анализе марийского языка разницу между двумя классами глаголов можно было бы описать и так, что глаголы одного класса имеют основу на согласный (*nal-*), а глаголы другого класса на гласный (*kodV-*). Исторически это связано с тем, что основы первого класса первоначально оканчивались на узкий (или редуцированный) гласный (**I*), а основы второго класса на широкий (или нередуцированный) гласный (**A*) [Itkonen 1962: 96–

100]. Разница между классами видна и в большинстве нефинитных форм, но оппозиция форм с «тематическими» гласными *-a-* или *-e-* свойственна только финитным формам настоящего времени.

Неслучайно, что более или менее аналогичная разница между классами глаголов наблюдается и в соседних пермских языках [Bartens 2000: 173–179] — очевидно, мы имеем здесь дело с ареальным явлением внутри уральской семьи языков.

2.3. *Формы с показателями финитных категорий глагола*

Специализированные показатели финитности или класса глагола обычно не комбинируются с показателями других маркированных категорий, например, времени или модальности. Существуют, правда, исключения. Так, в ненецком языке финитная морфема может предшествовать показателю перифрастического прошедшего времени, а также показателям оптатива, например, *mebyeq-* ‘быть сильным’: -FIN-PRT *mebyeq-nga-sy*^o ‘[он] был сильным’, *tampə-* ‘дать’: -FIN-OPT.3SG *tampə-*^o-*ya* ‘пусть [он] даст’ [Salminen 1997: 94, 107]. Однако, глагольные формы, подобные ненецким, довольно редки. Гораздо чаще (по крайней мере в языках трансъевразийской зоны) встречаются глагольные формы, маркированные по той или иной категории, но не содержащие каких-либо специализированных показателей финитности или класса глагола. При этом такие глагольные формы могут выступать только в функции независимого предиката и не употребляются в других функциях (в качестве причастий или деепричастий).

Особенно часто ингерентная финитность свойственна формам императива. Так, известно, что существуют языки, в которых в декларативных предложениях в финитной функции независимого предиката выступают (исторически) только причастия, используемые также и в нефинитной адноминальной функции или как независимое имя. К таким языкам относятся, например, тунгусо-маньчжурские языки [Суник 1962: 309–344]. Однако, даже в таких языках императивные формы, употребляемые в побудительных предложениях, являются однозначно синтаксически финитными, т. е. используются только в функции независимого

К проблеме финитности на примере языков трансевразийской зоны предиката. Такая ситуация наблюдается, например, в современном японском языке, в котором есть отдельные финитные формы для императива первого и второго лица, например, *ik-* ‘идти’: -IMP.1PL/SG *ik-oo* ‘пойдем! пойду-ка я!’, *tabe-* ‘есть’: -IMP.2SG *tabe-ro* ‘ешь!’ [Kiyose 1995: 49, 59].

Прототипическая финитность форм императива проявляется, в частности, в том, что они не подвергаются номинализации или адвербиализации. Однако встречаются и такие императивные формы, которые этимологически являются номинализированными глаголами — такова ситуация, например, в некоторых уральских языках [Janhunen 2001].

Одним из редких языков, допускающих употребление императивных форм в позиции зависимого предиката, можно считать нивхский язык. В предложении *Tamla+c^ho p^hrəŋan pil-ja macki-ja sək p^hut t^honəjuu* ‘Много рыбы когда-приходит будь-маленький будь-большой все выходя рыбу обрабатывают’ употреблены формы императива, образованные от глагола *pil-* ‘быть большим’: -IMP.2SG *pil-ja* ‘будь большим!’ и от глагола *macki-* ‘быть маленьким’: -IMP.2SG *macki-ja* ‘будь маленьким!’. Однако эти формы выступают не в побудительной функции, которая характерна для их финитного употребления, а в функции зависимых предикатов с уступительным значением [Gruzdeva 2012: 71]. Не исключено, впрочем, что такое употребление императивных форм стало возможным в нивхском языке под влиянием русского языка.

В языках трансевразийской зоны нередка и такая ситуация, что формы основной аспектуально-временной парадигмы глагола подразделяются на первичные и вторичные. Например, в современном монгольском языке полная система финитного глагола включает восемь форм [Janhunen 2012: 156–162]. Из них четыре первичные формы выражают различные аспектуально-временные отношения и выступают только в функции независимого предиката, т. е. являются прототипически финитными. Что касается четырех вторичных форм, то они также могут употребляться в финитной функции, но параллельно с ней могут выступать и в нефинитных функциях (в качестве причастий и инфинитивов), т. е.

являются прототипически нефинитными. Например, прошедшее время независимого предиката выражается или формой причастия законченного действия (особенно в халхасском диалекте) или прототипически финитной формой результата (особенно в хорчинском диалекте), например, *yab-* ‘уйти’: -PART.PR.F *yab-sen~*-RES *yab-jai* ‘[он] ушел’.

3. Прототипически нефинитные глагольные формы

Прототипически нефинитные глагольные формы подразделяются на две подгруппы в зависимости от того, выступают ли они в предложении в именной функции или в функции обстоятельства, т. е. являются ли они результатом (2.1) номинализации или (2.2) адвербиализации. Во многих языках эти формы при определенных условиях могут выступать и в непрототипических, т. е. финитных функциях. В принципе, такие формы можно было бы рассматривать как амбивалентные, но по установленной грамматической традиции принято считать их нефинитные функции первичными, а финитные — вторичными. В плане диахронии ситуация может, конечно, быть и противоположной.

3.1. Номинализированные формы (причастия и инфинитивы)

При номинализации глагол становится именем, которое имеет именныи морфологические черты, но синтаксически обладает свойствами как имени, так и глагола. Номинализированные формы можно далее разделить на независимые (отглагольные существительные) и адноминальные (отглагольные прилагательные). Первые известны как инфинитивы, а вторые — как причастия. Однако, не во всех языках эти два класса форм четко различаются. Например, несмотря на то, что в монгольском языке все номинализированные формы глагола называются причастиями, эти формы могут выступать в именной группе не только в адноминальной функции, но и в функции независимого имени. Возможно, это связано с тем, что в монгольском языке слабо развита разница между существительными и прилагательными [Janhunen 2012: 117–119]. С точки зрения финитности важно, что номина-

К проблеме финитности на примере языков трансевразийской зоны

лизованные глаголы в монгольском языке могут выступать в роли независимого предиката, т. е. в финитной функции, например, *yab-* ‘уйти’: -PART.PRF *yab-sen* ‘ушедший; то, что кто-то ушел’: *yab-senxun* ‘ушедший человек’: *xunyab-sen* ‘человек ушел’.

Использование номинализированных глаголов в функции независимого предиката является широко распространенным явлением в языках трансевразийской зоны. В некоторых языках вообще отсутствуют прототипически финитные формы (за исключением императивов), или же эти формы являются вторичными или маргинальными. В современном японском, например, развивается новая группа финитных форм вежливого регистра на *-mas-* (PRS *-masu* : PRF *-mashi-ta* : NEG *-mas-en*), которые в отличие от других форм, выступающих в финитных функциях, уже практически не употребляются в адноминальной позиции [Kiyose 1995: 65–66]. В других языках, например, в уральских и тюркских, финитная парадигма состоит из комбинации прототипически финитных и прототипически нефинитных форм, с преобладанием форм нефинитного происхождения. Гораздо реже встречаются языки, в которых номинализированные формы не употреблялись бы в финитных функциях. Интересно заметить, что корейский язык, который во многих отношениях типологически очень похож на японский, не допускает использование причастий в функции независимого предиката, кроме вторичных конструкций, в которых причастия сочетаются с копулой [Ramstedt 1939: 105–107].

Номинализированные формы, выступающие в финитных функциях, нередко образуют хронологические слои с морфологическими различиями. Во многих тунгусо-маньчжурских языках глаголы в финитных функциях появляются с двумя типами личных суффиксов: с лично-притяжательными и с лично-предикативными. Лично-притяжательные суффиксы (PX) сочетаются с формами, идентичными причастиям, в то время как формы с лично-предикативными суффиксами (VX) можно в синхронном плане считать прототипически финитными, как, например, в эвенкийском языке: *ga-* ‘брать’ : -PART.PRF-PX.1SG *ga-caa-w* ‘я взял’ : -AOR-VX.1SG *ga-d'a-m* ‘я беру’.

3.2. Адвербиализированные формы (деепричастия)

При адвербиализации глагол функционально становится обстоятельством, т. е. выступает в предложении в функции адвербиального определения следующего за ним глагола, который, в свою очередь, может быть как финитным, так и нефинитным. Все языки трансъевразийской зоны имеют развитую систему адвербиализированных глагольных форм, которые традиционно называются деепричастиями или конвербами (последний термин восходит к работе [Ramstedt 1903: 44–57]). В отличие от причастий и инфинитивов, деепричастия обычно не имеют морфологической парадигмы, а имеют только одну неизменяемую форму. Исключениями являются отдельные случаи, когда деепричастие согласуется с подлежащим во множественном числе. Например, в эвенкийском языке некоторые конвербы в односубъектных конструкциях могут присоединять суффикс множественного числа *-l* [Nedjalkov 1997: 273].

От конвербов стоит отличать «квазиконвербы», которые являются синхронно транспарантными падежными формами номинализированных глаголов, выступающих в адвербиальных функциях [Janhunen 2012: 169–172]. В отличие от конвербов квазиконвербы могут быть маркированы по лицу субъекта при помощи лично-притяжательных и возвратно-притяжательных суффиксов. Однако разница между конвербами и квазиконвербами не всегда четкая, и нередки переходы из последней категории в первую. Многие конвербы исторически являются застывшими квазиконвербами. С другой стороны, конвербы в сочетании с разными вспомогательными глаголами часто лежат в основе новых финитных форм, которые со временем становятся менее транспарантными и получают синхронный статус прототипически финитных форм. Например, финитная форма настоящего времени в казахском языке восходит к конструкции, в которой после деепричастия первоначально стояла непрототипическая (номинализированная) финитная форма вспомогательного глагола *tur-* ‘стоять’, *kel-* ‘прийти’ : *-PRS kel-edī = kel-e-di* ‘[он] приходит’ < *-CONV *kel-e -PART.AOR tur-ur* [Johanson 1998: 114–115].

К проблеме финитности на примере языков трансевразийской зоны

Непрототипическое, т. е. финитное, употребление адвербиализированных форм глагола наблюдается достаточно редко. Однако иногда встречаются формы, которые могут употребляться как в финитной, так и в нефинитной функции. Например, в монгольском языке форма конверба несовершенного вида (*converbum imperfectum*) на *-j* (< **-ji*) может также выступать в роли т. н. «короткой формы» результата финитной парадигмы. В финитной функции эта форма заменяет т. н. «длинную форму» результата на *-jai* (< **-ji-xai*), ср. например, *yab-* ‘идти’ : -CONV.IMPRF *yab-j* ‘ходя’ = -RES *yab-j~ yab-jai* ‘ушел’ [Sechenbaatar 2003: 138]. В таких случаях можно предположить, что нефинитная функция является для этих форм исторически вторичной. Интересная ситуация встречается в нивхском языке, в котором прототипически нефинитные формы деепричастий на *-r* и *-ror* имеют варианты на *-t* и *-tot* в зависимости от лица и числа подлежащего [Gruzdeva 1998: 55]. Вероятно, эти формы первоначально были прототипически финитными, но впоследствии получили исключительно нефинитные функции.

4. Прототипически амбивалентные формы

Все формы, рассмотренные в разделах 1 и 2, включают в свой состав аффиксы, которые в идеальном случае однозначно показывают, к какому классу и подклассу они относятся, т. е. идет ли речь о финитной, номинализированной или адвербиализированной форме. Несмотря на то, что многие из этих форм могут выступать в различных функциях, можно считать, что у каждой из них есть первичная (прототипическая) функция и вторичная (непрототипическая) функция, которая является как бы отклонением от первичной. Однако во многих языках мира встречаются также и немаркированные глагольные формы, либо вообще не включающие никаких морфологических показателей, либо не включающие показателей, специфических для финитных или нефинитных форм. Эти формы могут использоваться в предложении в самых разных функциях, но при этом определить, какие

из этих функций следует считать прототипическими, а какие не-прототипическими, оказывается сложно или невозможно. Мы предлагаем называть такие формы немаркированными и считать их в плане выражения финитности / нефинитности амбивалентными.

В языках, в которых нет развитой морфологии, например во многих языках восточной и юго-восточной Азии (синотибетских, тай-кадайских, австронезийских и др.), практически все глаголы являются амбивалентными, так как они могут использоваться в предложении в любой функции без каких-либо морфологических изменений. В языках трансевразийской зоны также существуют немаркированные формы глаголов, но они имеют гораздо менее широкое распространение, а главное, они встречаются в разных языках в различных функциях. Поэтому относить их к амбивалентным формам можно только на морфологической основе. Нередко они появляются в позиции независимого предиката, что могло бы дать основу для включения их в группу прототипически финитных форм. В тюркских и монгольских языках, а также в центральных ветвях уральской семьи — в пермских и марийских языках — морфологически немаркированные формы употребляются в функции простого императива второго лица, как, например, в монгольском IMP.2SG *yab* ‘иди! уходи!’, в то время как в венгерском они выступают в функции третьего лица единственного числа индикатива, например, PRS.3SG *vár* ‘он/а ждет’.

Немаркированными с точки зрения финитности / нефинитности можно считать и глагольные формы, которые содержат только показатели лица. Например, в прибалтийско-финских и саамских языках формы первого и второго лица единственного числа основной финитной парадигмы (индикатива настоящего времени) не содержат никакого маркера финитности, как, например, в финском: *mene-* ‘идти’ : -PRS.1SG *mene-n* ‘я иду’ : -PRS.2SG *mene-t* ‘ты идешь’. Формы всех других лиц содержат маркеры номинализации, которые иногда идентифицируются даже синхронно, как, например -PRS.3PL *mene-vät* ‘они идут’ = -PART.PRS-PL *mene-vä-t* ‘идущие’. Такая же ситуация наблюдается и в венгер-

К проблеме финитности на примере языков трансевразийской зоны
ском языке, где некоторые формы глаголов могут полностью совпадать с притяжательными формами именной парадигмы, например, *e-* | *esz-* ‘есть’ : -PRS.1SG *esz-em* ‘я ем’, *ész* | *esz-* ‘разум’ : -PX1SG *esz-em* ‘мой разум’.

Немаркированные глагольные формы могут выступать также и в нефинитных функциях. Так, в нивхском языке такие формы используются в адноминальной функции, например, *cosq-* ‘сломать’: *cosq+mi* ‘сломанная лодка’. В пермских языках немаркированные формы выступают в функции коннегатива, как, например, в коми: *tiip-* ‘идти’ : NEG CONN *oztiip* ‘он/а не идет’. В модальных конструкциях, употребляемых в монгольских языках, иногда появляется немаркированная форма глагола в функции т. н. сериального конверба [Sechenbaatar 2003: 156]. Особенно часто такая форма встречается (возможно, под тибетским влиянием) в языках широнгольской группы, например в баоаньском, ср. *kur-* ‘прийти’, *ker-* ‘надо’: CONV.SER-PRS *kurker-na* ‘прийти надо’ [Hugjiltu 2003: 342].

5. Заключение

Несмотря на то, что категория финитности / нефинитности хорошо известна из различных грамматических описаний и неоднократно исследовалась как в теоретическом, так и типологическом аспектах, ни один из предложенных ранее подходов, как нам кажется, не дает возможности удовлетворительно проанализировать глагольные формы в рамках указанной категории. Повидимому, это связано с тем, что данная категория в основном рассматривалась как бинарное явление, что неизбежно затрудняло описание полифункциональных глагольных форм.

В настоящей статье мы предложили более гибкий подход к описанию финитности / нефинитности, в рамках которого была проведена достаточно последовательная классификация глагольных форм в трансевразийских языках. Как нам представляется, данную категорию следует анализировать в виде функциональной шкалы «финитность-нефинитность», на которой конкретная

глагольная форма занимает то или иное место в зависимости от обычно выполняемой ею синтаксической функции. Такой подход позволил разделить глагольные формы на три класса: (1) формы, для которых прототипической является функция независимого предиката, (2) формы, для которых прототипической является функция зависимого предиката, и, наконец, (3) амбивалентные формы, у которых нет одной прототипической функции. В рамках каждого класса были выделены те или иные подгруппы в зависимости от морфологического маркирования глагольной формы. При описании форм, относящихся к тому или иному классу, были рассмотрены как прототипические, так и непрототипические функции этих форм.

Предложенная в статье классификация является достаточно общей, но она может быть при необходимости расширена и детализирована. Классификация допускает введение новых параметров и может быть приложима к языкам, на которых говорят за пределами трансевразийской зоны.

Глоссы

1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо; AOR — аорист; CONN — коннегатив; CONV — деепричастие; FIN — финитная морфема; IMP — императив; IMPRF — имперфект(ный); MOD — модальный; NEG — отрицательный; OBJ — объектный; OPT — оптатив; PART — причастие; PL — множественное число; PRF — перфект(ный); PRS — настоящее время; PRT — прошедшее время; PX — лично-притяжательный суффикс; RES — результирующий; SER — серийный; SG — единственное число; SUBJ — субъектный; VX — личное окончание.

Литература

- Суник 1962 — О. П. Суник. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках: Морфологическая структура и система форм глагольного слова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Bartens 2000 — R. Bartens. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 238. Helsinki: Suomalais-

- Ugrilainen Seura, 2000.
- Bisang 1998 — W. Bisang. Adverbiality: The view from the Far East // J. van der Auwera, D. P. O. Baoill (eds.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1998. P. 641–812.
- Croft 1990 — W. Croft. *Typology and universals*. Cambridge University Press, 1990.
- Givon 1986 — T. Givon. Prototypes: Between Plato and Wittgenstein // C. Craig (ed.). *Noun classes and categorization*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1986. P. 77–102.
- Givon 1990 — T. Givon. *Syntax: A functional-typological introduction*. Vol. 2. Amsterdam: Benjamins, 1990.
- Gruzdeva 1998 — E. Gruzdeva. *Nivkh. Languages of the World / Materials 111*. München: Lincom Europa, 1998.
- Gruzdeva 2012 — E. Gruzdeva. On syntactic definition of finiteness: Evidence from Nivkh // T. Hyttiäinen, L. Jalava, J. Saarikivi, E. Sandman. (eds.). *Per Urales ad Orientem. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 264*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012. P. 65–75.
- Hugjiltu 2003 — W. Hugjiltu. Bonan // J. Janhunen. (ed.). *The Mongolic languages*. Routledge Language Family Descriptions. London: Routledge, 2003. P. 325–345.
- Itkonen 1962 — E. Itkonen. Beobachtungen über die Entwicklung des tschechremissischen Konjugationssystems. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 125*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1962. P. 85–125.
- Janhunen 2001 — J. Janhunen. The Nenets imperative sentence and its background // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen 24/25*. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2001. P. 71–85.
- Janhunen 2012 — J. Janhunen. *Mongolian*. London Oriental and African Language Library 19. Amsterdam: John Benjamins, 2012.
- Johanson 1998 — L. Johanson. The history of Turkic // L. Johanson, É. Á. Csató (eds.). *The Turkic languages*. Routledge Language Family Descriptions. London: Routledge, 1998. P. 81–125.
- Kangasmaa-Minn 1998 — E. Kangasmaa-Minn. Mari // D. Abondolo. (ed.). *The Uralic languages*. Routledge Language Family Descriptions. London; New York: Routledge, 1998. P. 219–248.
- Kiyose 1995 — G. Kiyose. *Japanese grammar: A new approach*. Kyoto: Kyoto University Press, 1995.

- Koptjevskaja-Tamm 1994 — M. Koptjevskaja-Tamm. Finiteness // R. E. Asher (ed.). *The Encyclopedia of language and linguistics*. Vol. 3. Oxford; New York; Seoul; Tokyo: Pergamon Press, 1994. P. 1245–1248.
- Nedjalkov 1997 — I. Nedjalkov. Evenki. *Descriptive Grammars*. London; New York: Routledge, 1997.
- Nedjalkov 1998 — I. Nedjalkov. Converbs in the languages of Europe // J. van der Auwera, D. P. O. Baoill (eds.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1998. P. 421–455.
- Nikolaeva 2007 — I. Nikolaeva. Introduction // I. Nikolaeva (ed.). *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Ramstedt 1903 — G. J. Ramstedt. Über die Konjugation des Khalkha-mongolischen. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 21. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1903.
- Ramstedt 1997 (1939) — G. J. Ramstedt. A Korean grammar. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 82. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.
- Salminen 1997 — T. Salminen. Tundra Nenets inflection. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 227. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.
- Sechenbaatar 2003 — B. Sechenbaatar. The Chakhar dialect of Mongolian: A morphological description. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 243. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2003.